

Теория и методология

Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития

© 2010

Чжан Жуйчжуан, А. Королев

Проанализировано состояние исследований в области международных отношений в Китае. Основной акцент сделан на развитии теории международных отношений (ТМО) с китайской спецификой, рассмотрены различные подходы ведущих китайских международных экспертов к вопросу создания китайской школы ТМО, проанализированы их теоретические разработки и выявлены возможные тенденции развития ТМО в Китае.

Ключевые слова: теория, китайская школа теории международных отношений.

По мере роста государственной мощи Китая, усиления его международных позиций и, как следствие, формирования нового социального и политического облика страны, произошли глубокие изменения в китайских общественных науках. Китайские ученые прилагают заметные усилия для осмысления содержания и процесса накопления академического знания. Благодаря этому китайская наука о международных отношениях превратилась в динамично развивающуюся академическую дисциплину. Международно-политические исследования в КНР начали входить в фазу "научной саморефлексии": китайские международники занялись активной работой по обобщению накопленного за прошедшие десятилетия материала, по выявлению резервов развития и "точек роста" китайской науки.

Начиная с 1990-х гг. вопросы "китаизации" теоретических исследований в области международных отношений в Китае, создания собственной "китайской школы", ее необходимости, и возможных путей формирования постепенно стали предметом целого ряда академических дискуссий, как в Китае, так и на Западе¹.

В июне 1991г. в Пекине прошла международная научная конференция "Вызовы на рубеже веков — развитие дисциплины международных отношений

Чжан Жуйчжуан, профессор Университета Нанькай, Тяньцзинь, КНР. E-mail: zhang@nankai.edu.cn

Королев Александр, студент Китайского университета Гонконга, КНР. E-mail: s0905651@cuhk.edu.

в Китае". В ходе конференции одной из важных тем обсуждения стал вопрос "китайской специфики" теории международных отношений, но к общему мнению участникам дискуссии прийти не удалось.

Тремя годами позже, в декабре 1994 г., в Пекине состоялась еще одна международная научная конференция "Китай и мир в XXI веке", где вопрос о "китайской специфике" международно-политических исследований в Китае вновь стал темой оживленных дискуссий.

В последующие годы на многочисленных политологических конференциях разного уровня вопрос китайской школе в теории международных отношений в Китае по-прежнему не сходил с повестки дня, порой становясь темой обсуждения целых секций. Среди наиболее значимых можно назвать конференцию "Теория международных отношений в Китае: сравнения и заимствования", организованную в декабре 2002 г. редакцией известного китайского научного журнала "*Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи*" ("Мировая экономика и политика").

Через два года, в декабре 2004 г., в Шанхайском университете Цзяотун прошла знаковая в своем роде конференция, посвященная непосредственно теории международных отношений. Название было недвусмысленно: "Строить китайскую теорию, создавать китайскую школу"².

Среди недавних событий следует назвать 5-ю конференцию Совета Китайской национальной ассоциации международных исследований (60 лет КНР: создание китайской теории МО), прошедшую в Уханьском университете в апреле 2009 г. Одной из главных тем обсуждения стала проблема создания китайской школы международных отношений.

В последние годы в рамках нового академического дискурса о китайской науке международных отношений был выдвинут ряд идей и формулировок, призванных отразить суть этой научной дисциплины. Так, профессор Лян Шоудэ (директор Центра исследований восточных и западных культур при Пекинском университете) предложил определение "международной политики с китайской спецификой" — "*Чжунго тэсэ дэ гоцзи чжэнчжи сюэ*"; профессор Мэй Жэнь (Институт международных отношений при Пекинском университете), Жэнь Сяо, Цинь Яцин и др. предпочитают говорить о "китайской школе МО" — "*Чжунго сюэпай*"; Ван Ичжоу, Ши Бинь (Центр изучения международных отношений при Нанкинском университете), Е Цычэн и другие ученые оперируют такими терминами, как "китайская перспектива анализа" — "*Чжунго шицзю*", "китайские исследования МО" — "*Чжунго ши таньсо*",³ "китайская сфера международных исследований" — "*Чжунго ши*"⁴.

В настоящее время среди китайских международников постепенно получает признание формулировка "*Чжунго сюэпай*" — "китайская школа"⁵, однако основные вопросы — какова необходимость в "китайской школе МО" и путем каких теоретических разработок и построений к ней можно прийти — остаются без однозначного ответа.

Содержание дискуссий о создании китайской школы МО

В целом, "китайская школа" — это обобщающее название, под которым подразумевается широкий спектр исследований в области МО, проводимых в Китае. Она еще не является зрелой и самостоятельной теоретической школой с присущей ей системой гипотез и теорией, способной объяснять причинно-следственные связи между двумя и более переменными в определенной области.

Не будет преувеличением утверждать, что МО как академическая отрасль, по большей части являются американской дисциплиной. Так, лидерство США в области международных отношений — это не только следствие их государственной мощи и влияния, но еще и прямой результат активных усилий американских академических кругов.

Китайские ученые, учитывающие этот контекст, высказываются за необходимость создания китайской школы ТМО и считают, что исследования международных отношений в крупном государстве не должны ограничиваться теоретическими заимствованиями, а напротив, должны иметь свою теоретическую базу и основываться на специфике этого государства. Следуя такой логике (неважно — отталкиваясь ли от государственных интересов или исходя из соображений научного самосознания), динамично возвышающийся Китай должен иметь свою теоретическую школу, в полной мере отражающую китайское видение международных отношений.

Так китайским международникам видится основная мотивация создания “китайской школы ТМО”, однако, по этому вопросу можно выделить приверженцев трех подходов. Во-первых, это сторонники (*чжичи пай*), отстаивающие важность создания китайской школы; во-вторых — это скептики (*чжизэнь пай*), сомневающиеся в ее рациональности. Третий подход с эпистемологической точки зрения наиболее интересен — это кумулятивный подход (*лэйцзи пай*), предполагающий, что создание китайской школы возможно только путем надстраивания нового типа теорий на уже имеющийся фундамент (в данном случае западные ТМО).

1. Теоретические инициативы сторонников

Различных аргументов в пользу “китайской школы ТМО” достаточно много. Основной тезис о возможной китайской специфике в теории международных отношений строится на посылке о дуализме естественных и общественных наук, об их эпистемологической несводимости друг к другу.

Общественные науки отличаются от естественных не только степенью сложности, но и фундаментальной невозможностью достичь абсолютно объективных выводов. Теории международных отношений, кроме того, еще и имеют “государственную принадлежность”: ведь если существует “английская школа”, почему, по той же логике, не может быть китайской?⁶ Таким образом, сторонники создания китайской школы ТМО в качестве базовой теоретической установки принимают эпистемологический водораздел между общественными и естественными науками.

Профессор Лян Шоудэ, говоря о выдвигаемой им концепции “международной политики с китайской спецификой”, отмечает, что под “китайской спецификой” в данном случае понимается принцип “*лицзу Чжунго, мяньсян шицзе*” (буквально “смотреть в мир из Китая”). Применительно к теории МО это означает: исследовать законы эволюции и развития мировой политики, отталкиваясь от китайских национально-культурных основ⁷.

По мнению ученого, необходимость создания китайской национальной школы ТМО диктуется тем, что любые теории общественных наук должны соотноситься со страновым контекстом, в котором они применяются, и объяснять его. Китайская школа, таким образом, призвана внимательно изучать и объяснять смысл и направленность китайских общественно-политических процессов⁸. В качестве центральной концепции ТМО с китайской спецификой предлагается взять

“политику власти”⁹ “*цзоаньли чжэнчжи*”, хотя мало говорится о том, как эта концепция будет работать и в чем ее специфика.

Профессор Мэй Жэнь из Института международных отношений при Пекинском Университете предпочитает формулировку “китайская школа”. Он отмечает, что, несмотря на высокий уровень научности американских разработок в области международных отношений, американские теории в основном обслуживают национальные интересы США и не могут ответить на вопросы, возникающие перед другими государствами. Поэтому китайские международники в своих исследованиях должны всеми силами стремиться к большей созидательности и меньшей зависимости от западной исследовательской мысли, чтобы в итоге создать свою, китайскую школу, обращенную к центральным проблемам Китая¹⁰.

По мнению заместителя директора Института международных исследований при Фуданьском Университете профессора Жэнь Сяо, китайские международники должны внести свой особый вклад в развитие мировой науки о международных отношениях, стать производителями знаний и продвигать вперед исследовательскую разработку общемировых проблем. Для этого необходимо создать свою китайскую школу со своей теоретической парадигмой¹¹.

Ученый утверждает, что китайские исследователи обязательно должны изыскивать возможности создания новых методов анализа внешнего мира, генерировать новые импульсы развития своей собственной “китайской” теоретической парадигмы, а вслед за ней и системы теорий. В этом и заключается необходимость создания китайской школы ТМО¹².

Но создание своей теории вовсе не означает намеренного противопоставления своих разработок господствующим на западе теоретическим концепциям, стремления к какой-то надуманной уникальности или скатывания в изоляционизм и полное неприятие иных теоретических позиций. Нужно “стремиться к независимому исследовательскому подходу, избегать слепого копирования западных методов, не идти следом за другими, а иметь свой теоретический подход. В общем, внести свой собственный теоретический вклад”¹³.

Другой исследователь — Чжан Чжичжоу — поддерживает создание китайской школы по трем причинам. Во-первых, активное заимствование китайскими учеными западных теоретических концепций и подходов привело к фактической утрате “китайской сущности”, научные плюсы которой китайская школа должна будет выявить и возродить. Во-вторых, в современных китайских исследованиях МО налицо серьезная нехватка оригинальности и независимого видения исследовательской проблематики. В-третьих, китайские университеты и научные центры переполнены дублирующими друг друга работами методологически низкого качества. Именно поэтому китайские исследования в области международных отношений стали не источником китайской теории, а полигоном борьбы для конкурирующих западных теорий.

Чжан Чжичжоу также критически отмечает, что китайское сообщество международныхников не способно обеспечить надежный и эффективный аналитический тыл для стратегии мирного возвышения Китая. Поэтому китайским ученым необходимо создать свою собственную школу, берущую в качестве отправной точки исследований китайскую проблематику. Но автор, говоря о таком прикладном аспекте исследований, как научная поддержка стратегии развития Китая, почему-то трактует китайскую школу как “школу философии международных отношений” — *гоцзи чжэнчжи чжесюэ дэ чжунго сюэтай*¹⁴.

Можно заметить, что рассмотренные аргументы сторонников создания китайской школы ТМО редко выходят за рамки общих рассуждений об ее необходимости. Гораздо более содержательными являются работы профессора Цинь Яцина, который провел более глубокий и систематический анализ различных подходов к идее создания ТМО с китайской спецификой в своих теоретических исследованиях.

Пытаясь следовать методологическим установкам Имре Лакатоса, Цинь Яцин предпринял смелую попытку определить и ядро китайской теории международных отношений. Ученому удалось обрисовать теоретически многообещающие области исследования, которые в будущем, при условии детальной проработки, позволят выдвинуть новую, отличную от существующих на Западе исследовательскую программу.

Цинь Яцин утверждает, что китайская школа ТМО должна обладать двумя характеристиками: 1) опираться в своих установках на геополитически-обусловленную стратегическую культуру Китая; 2) по мере своего развития она должна обрести универсальность и не ограничиваться рамками одного государства¹⁵. Ученый полагает, что основным отличительным признаком новой китайской школы ТМО должно стать появление новых центральных гипотез (жесткого ядра). Формулировать эти гипотезы предстоит на основе анализа китайской реальности.

Поскольку теоретические основы общественных наук и человеческая деятельность — это “близнецы”, которые находятся в непрерывном процессе взаимодействия и взаимовлияния, то та социальная трансформация, которую на протяжении многих лет переживает Китай, вполне вероятно, может стать плодородной почвой для новых гипотез¹⁶. Цинь Яцин выделяет три потенциальных источника теоретического прогресса.

Во-первых, глубокие философские традиции, основанные на терминах *Тянься* (Поднебесная) и *Чаогун Тиси* (податная система сбора дани). Здесь ученый усмотрел эпистемологические преимущества перед западными теориями, а именно: холистический подход, роль моральных принципов и институциональный порядок. Эпистемологический холизм *Тянься*, рассматривающий весь мир как единое целое и исключаящий противопоставление индивидуального “Я” обществу, дает возможность преодоления бинарного мышления западных теоретиков, видящих все в формате дуалистических противоположностей. Вытекающие из *Тянься* моральные принципы *Датун* (идеальный мир гармонии) и институциональная организация *Чаогун Тиси*, как видится Цинь Яцину, содержат смысловые импульсы, которые могут продвинуть вперед современную дискуссию о мировом государстве¹⁷. По мнению ученого, в современном глобализирующемся мире, где страны становятся все более зависимыми друг от друга, а основополагающее понятие большинства западных теорий — понятие “государственной мощи” — становится все менее определенным, такое глобально-нормативное видение системы мира может способствовать развитию ТМО.

Во-вторых, революционные идеи и практики трактуются как важные источники будущей китайской теории международных отношений. Теоретизирования Мао Цзэдуна об “объединенном фронте”, “односторонней политике” и “концепции трех миров” обозначили четкую разграничительную линию между “мы” и “они” или между “друзьями” и “врагами”. Стратегия Мао Цзэдуна основывалась на различении трех категорий: “мы”, “союзники” и “враги”. “Мы” должны были объединить наших “союзников” против нашего “врага”. На внутригосудар-

ственном уровне Мао декларировал существование различных классов: некоторые из них были союзниками, а некоторые — врагами. На уровне международных отношений ситуация виделась аналогично: концепция трех миров фактически обосновывала различие между “нами”, “союзниками” и “врагами”. Таким образом, в идеях Мао помимо сильного влияния марксистской теории о непримиримой классовой борьбе можно усмотреть диалектическую схему “тезис—антитезис—синтез”, что может использоваться при создании новых китайских теорий.

В-третьих, немаловажную роль в формировании новых теоретических подходов может сыграть опыт вхождения Китая в международную систему. Сама идея присоединения к международному сообществу и практический опыт Китая может дать новый толчок развитию китайской школы ТМО¹⁸. На протяжении последних 150 лет основной проблемой, которую Китай активно пытался решить, была проблема международного признания. Сейчас быстрое развитие Китая, его радикальная трансформация в общественной сфере, глубокие изменения в системе ценностей китайского общества позволяют впервые успешно разрешить проблему отношений между китайским государством и международным сообществом. Этот опыт уникален и может стать богатым эмпирическим ресурсом для развития китайских теорий международных отношений.

Итак, основные причины создания китайской школы ТМО — это стремление китайских ученых изменить положение дел в китайском сообществе международных, преодолеть влияние западных схем анализа, понизить зависимость от господствующих на Западе теоретических концепций и уделить большее внимание изучению реальностей современного Китая. Другими словами, китайские исследователи пытаются преодолеть “парадигму освоения”¹⁹, прийти к созданию собственных теорий и внести свой вклад в развитие глобальной науки о МО.

Таковы взгляды ученых, условно принадлежащих к группе *чжичи пай* (сторонники). Они не отражают всех нюансов и аспектов дискуссии по данному вопросу, поэтому для более полного анализа необходимо рассмотреть и противоположные подходы.

2. Подход представителей скептиков

В китайском сообществе международных есть ученые, которые не поддерживают открыто создание китайской школы или относятся к ней крайне скептически. В отличие от *чжичи пай* (сторонников), которые, как было отмечено выше, исходят из дуализма естественных и общественных наук, отправной точкой скептиков является эпистемологический монизм, согласно которому кажущиеся различными общественные и естественные науки сводятся к единому эпистемологическому началу.

Эти ученые в своих исследовательских подходах часто выступают как крайние позитивисты, практикующие эмпирические исследования и отрицающие познавательную ценность нормативных подходов. Они утверждают, что поскольку нет китайской физики, экономики, математики, то нет и причин создавать китайскую школу ТМО. Наука едина, а существующие объективные законы и закономерности неизменны во времени и пространстве.

Ключевой фигурой выступает директор новой кафедры международных отношений университета Цинхуа профессор Янь Сюэтун, написавший известную в Китае книгу “Анализ национальных интересов Китая”. Ученый

утверждает, что общественные и естественные науки едины. Цель их заключается в поиске универсальных законов природы и общества.

Двумя основными критериями научной теории являются универсальность (объективность теоретического знания) и повторяемость (законы, предсказываемые теорией, должны повторяться в пространстве и времени). Теория международных отношений, которая видится как теория научная, тоже должна быть универсальной и не иметь государственной принадлежности. В связи с этим китайский вариант ТМО в какой-либо форме не только не рекомендуется, но и в принципе невозможен²⁰. Таким образом, говорить об основании китайской школы, которая имела бы какое-то особое теоретическое содержание, не вполне оправданно.

Схожего подхода придерживается молодой китайский исследователь Лу Пэн, в настоящее время докторант кафедры политологии Университета Эксетера в Великобритании. Он отмечает, что необходимость в китайской школе ТМО появится только тогда, когда имеющиеся в настоящее время теории после их переработки и интерпретации китайскими учеными окажутся неспособными объяснять внешнеполитическую практику Китая²¹. По его мнению, такую способность современные теории не потеряли и вполне работают применительно к китайской реальности.

3. Взгляды приверженцев кумулятивного подхода

Помимо сторонников и скептиков существуют приверженцы третьего подхода — кумулятивного. Его представители утверждают, что развитие научных теорий — это поступательное движение, где каждый последующий шаг в пополнении знаний делается с опорой на предыдущие достижения. Теории развиваются постепенно, а не “выдвигаются” под влиянием лозунгов о национальной специфике.

Согласно этому подходу, современные исследования в области международных отношений в Китае уже прошли до-теоретическую фазу простого описания политической практики, однако говорить о появлении новых теорий преждевременно. На данном этапе самым важным является создание качественных и методологически строгих исследований. Самыми влиятельными представителями этого подхода являются профессор Чжан Жуйчжуан (Университет Нанькай), Ван Ичжоу (Институт мировой экономики и политики АОН), Су Чжанхэ (Центр американских исследований Фуданьского университета).

Профессор Чжан Жуйчжуан, который в конце 1980-х гг. был докторантом у одного из патриархов американской политологии Кеннета Уолтца, известен в китайских академических кругах как резкий критик псевдонаучности. Он не отрицает возможность существования специфически китайской теоретической школы международных отношений. Однако ученый не приемлет существующего подхода к проблеме. Чжан Жуйчжуан согласен с теми учеными, которые утверждают, что “превзойти старое и основать новое” — это единственный путь создания нового, но если мы говорим о построении новых теоретических парадигм, то на этом пути необходима большая, тяжелая и кропотливая работа.

Креативная и оригинальная мысль должна быть, прежде всего, профессиональной. Только тогда она будет конструктивной и только тогда возможны новые прорывы. По мнению профессора Чжана, необходимо следовать принципу *юди фанши* (пускать стрелу, имея перед собой цель). Другими словами, надо бить по слабым местам и проблемным зонам существующих на Западе теоретических

подходов. Это требует от исследователей не просто знакомства с уже имеющимися учениями и теориями, но и глубокого овладения ими. “Чтобы не стать предметом насмешек “знатоков”, нельзя гнаться за сиюминутным успехом и, пуская в глаза пыль, победно заявлять об основании какой-либо школы”²².

Профессор Чжан отмечает, что в современной истории развития политической науки существует только один пример успешного вхождения ученых из развивающихся стран со **своими** теориями в мировой политологический мейнстрим — это пример латиноамериканских школ сравнительной политологии и международной политэкономии. Их опыт не стоит игнорировать.

В латиноамериканском опыте Чжан Жуйчжуан выделяет два важных момента. Во-первых, латиноамериканские школы компаративистики и международной политэкономии не были “созданы” по чьему-то желанию, а постепенно выкристаллизовались в результате непрерывных усилий и скрупулезной работы ученых. В результате практикуемые учеными подходы стали общепризнанными, что и свидетельствует о появлении своей “школы”.

Во-вторых, успех латиноамериканской школы появился не из неприятия и страха перед традиционными западными учениями, а в результате уверенного и повсеместного их использования. В процессе заимствования и критики западных подходов и методик появились зачатки новых идей и методов, которые впоследствии превратились в новые теории²³. Эти два момента, как утверждает ученый, являются поучительными примерами для современных китайских исследователей в области международных отношений.

Схожей точки зрения придерживается профессор Ван Ичжоу, который утверждает, что теоретическую школу нельзя спроектировать по плану. Она может возникнуть только тогда, когда в процессе развития теории вызревают необходимые условия для ее появления. Ученый полагает, что сама формулировка “китайская школа” имеет идеологическую окраску и неблагоприятна для развития научных исследований. Более того, китайские исследователи в области международных отношений пока что не сделали никакого ценного вклада в развитие академической дисциплины международных отношений, поэтому право академического голоса крайне ограничено, а говорить о китайской школе ТМО чересчур рано²⁴.

Сам профессор Ван Ичжоу использует формулировку “*Чжунго шицзю*” (китайская перспектива, или угол анализа). Ученый полагает, что основной акцент в развитии китайской науки о международных отношениях должен быть сделан на прикладных исследованиях. Вместо того, чтобы браться за фундаментальные теоретические вопросы, лучше сфокусировать внимание на так называемых *case studies* — методах эмпирического анализа конкретных ситуаций. Основательные и методологически аккуратные эмпирические исследования, нацеленные на решение узких и конкретных проблем, помогут достичь новых теоретических обобщений, что, в свою очередь, будет означать развитие теории²⁵. Таким образом, предлагается путь развития теории посредством решения конкретных вопросов.

Профессор Су Чжанхэ, еще один участник дискуссии, указывает на то, что развитие академической дисциплины и, тем более, своей теоретической школы — результат процесса длительного накопления знаний в ходе многочисленных академических дискуссий. Своя теоретическая школа не может появиться в короткий промежуток времени. На самом деле, как полагает ученый, призывы побыстрее создать свою теоретическую школу “свидетельствуют о нашем недо-

вольстве и даже раздражении тем фактом, что мы не имеем своих теорий. Отсюда и торопливость, и нетерпимый подход”²⁶.

Когда научная дисциплина находится в начальной фазе развития, чрезмерные противопоставления “нашей” и “не нашей” науки не только бесполезны для зарождения китайской школы ТМО, но могут привести к ненужным псевдонаучным дискуссиям между различными, еще четко не оформившимися в теоретическом плане группами исследователей. Все это будет не способствовать, а наоборот, только препятствовать здоровому развитию дисциплины²⁷. Теоретическая школа не может быть самопровозглашенной, она должна быть признана широким международным академическим сообществом. Если основной целью является приумножение и развитие знания, а не создание “школ”, разве нельзя обойтись без “школы”?

Таким образом, в дискуссии в китайских академических кругах, касающейся создания китайской теоретической школы международных отношений, мнения настолько отличаются друг от друга, что консенсус не может быть достигнут. Отсюда вытекает другой, более важный вопрос: возможна ли с точки зрения развития теоретического знания теория международных отношений с китайской спецификой?

Потенциальные пути формирования ТМО с китайской спецификой

Появление “своей” теоретической школы имеет определенные предпосылки, самой важной из которых является наличие репрезентативной теории. Фундаментом такой теории должна стать первичная концепция. Такая концепция, как правило, имеет высокий уровень абстракции и лишь намечает общее проблемное поле. (Примером такой концепции является концепция “международного общества” английской школы ТМО). Затем вокруг общей базовой концепции должны выстраиваться более конкретные и имеющие потенциал развития теории среднего уровня²⁸.

Без своей теории китайская школа ТМО — всего-навсего воздушный замок. Именно поэтому создание своей оригинальной теории стало основной задачей, стоящей перед китайскими международниками на пути создания китайской школы²⁹. Цинь Яцин, Жэнь Сяо, Су Чжанхэ и другие ученые предприняли различные исследования и дали ряд рекомендаций, направленных на решение этой задачи.

1. Проблемно-ориентированный подход

Для создания новой теории, прежде всего, необходимо иметь четкое осознание той проблемной зоны, которую теория должна объяснить. Затем важно сформулировать центральные исследовательские вопросы, попытаться оформить концепции и определить характер отношений между этими концепциями.

Ученые Жэнь Сяо и Су Чжанхэ предупреждают о том, что китайским исследователям, работающим в области международных отношений, необходимо иметь четкое осознание нуждающихся в исследовании проблем: “Не можем же мы проблемы и те импортировать из-за границы”³⁰.

Китайские исследования в области международных отношений уже прошли фазу поглощения и переваривания западных теорий. Но для того, чтобы Китай смог иметь свой независимый и влиятельный голос в международных академических дискуссиях, необходимо уметь обнаруживать и ре-

шать конкретные исследовательские проблемы, что позволит в итоге выдвигать свою концепцию и теорию³¹.

Профессор Цинь Яцин проанализировал этот вопрос и пришел к выводу, что в настоящий момент китайское сообщество международников по-прежнему не имеет своей оригинальной теории, которая позволила бы заявлять о своей теоретической школе. Как отмечает ученый, “оригинальная теория” подразумевает нечто гораздо большее, чем повсеместно проводимые в Китае эмпирические тестирования уже имеющихся теорий или объяснения реальности на основе использования этих теорий, какими бы качественными проведенные исследования не были.

Оригинальная теория — это совокупность предположений, гипотез и концепций, сложившихся на основе закономерно повторяющихся событий в какой-либо конкретной, порой даже узкой, проблемной области реального мира. Такая теория должна формировать свой, отличный от других теорий, научный дискурс и обладать универсальностью. Главная причина того, почему сейчас нет такой теории — это отсутствие центрального теоретического вопроса³².

Такой вопрос, по мнению ученого, должен удовлетворять трем условиям. Во-первых, быть специфическим (оригинальным); во-вторых, иметь теоретическое значение; в-третьих, иметь дело с закономерными явлениями. Постановка центрального вопроса представляется обязательным условием развития теоретической школы. Например, центральным вопросом большинства американских теорий МО является *бацуюань взйху* (сохранение американской гегемонии). Центральный вопрос английской школы — это процессы формирования и развития “международного общества”. Для китайской школы центральным теоретическим вопросом, требующим осмысления, должен стать вопрос вхождения возвышающегося Китая в современное международное сообщество и его становление как полноправного актора международной политики³³.

За этим центральным вопросом следуют другие, более конкретные: может ли Китай мирно влиться в современную международную систему? Какие условия могут способствовать этому мирному вхождению, и какой смысл имеет понятие “ответственного участника” международного сообщества для Китая?

Эти и другие более конкретные вопросы, тесно связанные с центральным вопросом вхождения Китая в мировое сообщество, должны стать отправной точкой развития ТМО с китайской спецификой и, следовательно, быть важной частью формирующейся повестки китайских исследований в области международных отношений.

2. Конкретные пути и попытки формирования китайской школы ТМО

Ученые, которые сегодня активно пытаются развивать теорию международных отношений с китайской спецификой и таким образом формировать китайскую школу, предлагают три пути, которые, как они считают, помогают с различных позиций решать проблему создания новой теории.

Первый путь подразумевает опору на неамериканский опыт развития теории международных отношений. Для этого Жэнь Сяо, Ши Бинь и другие ученые предлагают детально исследовать опыт английской школы ТМО, понимание механизмов развития которой, по их мнению, поможет осознать процесс формирования неамериканской модели ведения международных политических исследований и разработки своих подходов. Полезный опыт может быть заимствован и использован при создании китайской школы³⁴.

Согласно второму пути, американский опыт исключать не надо, но и ограничиваться им было бы неправильно; необходимо исходить из модели развития западной науки в целом. Отслеживая эволюцию различных теорий и анализируя соперничество между различными теоретическими школами в ходе этой эволюции, ученые должны выявить роль общественных и исторических факторов, определяя, как общественные процессы в истории влияли на развитие научных теорий и обуславливали выдвижение определенных теорий на передовые позиции в науке, что позволяло теориям сохранять свою значимость или быть опровергнутыми. Цинь Яцин и другие ученые поддерживают этот путь. Цинь Яцин, анализируя процессы развития ТМО в Англии и Америке, пытается выявить общую логику формирования оригинальных теорий и применить ее для развития китайской школы ТМО.

Третий путь — путь синтеза: за отправную точку развития предлагается брать китайский вариант марксистской теории и новый практический опыт китайской дипломатии. Вместе с тем, следует в полной мере использовать уже имеющиеся методы исследования международных отношений, обогащая их соединением с элементами традиционной китайской политической культуры.

Такой путь поддерживают Лян Шоудэ, Е Цзычэн и другие ученые³⁵. Профессор Юй Чжэнлян (Шанхайский университет Цзяотун, Центр изучения международных отношений) тоже выступает за этот путь. Он полагает, что существуют четыре основных теоретических источника развития китайской системы теории международных отношений: 1) марксистская теория и в особенности ее проекция на международные отношения; 2) новые достижения китайских исследований в области ТМО и практический дипломатический опыт КНР; 3) глубокие культурные традиции китайской цивилизации; 4) уже имеющиеся зарубежные теории МО³⁶.

В рамках третьего пути Цинь Яцин предпринял попытку сформулировать оригинальную теорию. Ученый, отталкиваясь от основных идей конструктивизма в вэндовском исполнении³⁷, попытался имплантировать два важных для китайской общественной культуры понятия — *гуаньси* (отношения) и *гочэн* (процесс) в теорию международных отношений и выдвинул сложную теоретическую конструкцию под названием “конструктивизм процесса” — *гочэн цзяньгоучжуи*.

Цинь Яцин утверждает, что все три основные школы западных ТМО — структурный реализм, неолиберализм и конструктивизм — имеют один общий недостаток: они игнорируют состояние “процесса” в международной системе и сложные “отношения” в рамках мирового сообщества. Другими словами, ученый видит эти теории статичными. Статичность предлагается преодолеть путем внедрения понятий “процесс” и “отношения” в качестве новых независимых переменных.

Если центральным понятием индивидуализированного западного общества является “рациональность” (она же выступает основой многих западных теорий), то для китайской общественной культуры таким центральным понятием являются *гуаньси* (отношения), которые лежат в основе процесса. Таким образом, в китайском контексте понятия *гуаньси* (отношения) и *гочэн* (процесс) имеют постоянное и неизменное содержание (как рационализм в контексте западном) и, следовательно, могут выступать в качестве независимых переменных.

Но если концепция “рациональности” достаточно четко определена и уже лежит в основе ряда теорий под общим названием *rational choice theory* (теории рационального выбора), то понятия “процесс” и “отношения” еще не-

обходимо подвергнуть тщательной концептуализации, определить их природу и взаимосвязь.

Пока что Цинь Яцин утверждает только то, что между “процессом” и “отношениями” имеется неразрывная связь. Отношения лежат в центре процесса, который видится как своего рода “отношения в движении”. Цинь Яцин убежден, что если удастся применить “отношения” и “процесс” как независимые переменные, то можно будет сформулировать новые гипотезы отношений процесса, узнать, что движет процессом и какова его роль в международных отношениях.

Попытки Цинь Яцина концептуализировать понятия “процесс” и “отношения” и дополнить ими уже существующие теории, безусловно, способствуют развитию новой теории, однако, по мнению некоторых ученых, лишь в качестве эффектных умственных упражнений. К тому же подход Цинь Яцина наталкивается и на острую критику.

Профессор Чжан Жуйчжуан указывает на то, что объектом исследования международных отношений, т.е. зависимой переменной, естественным образом являются “отношения”. Теория международных отношений называется теорией международных **отношений** потому, что объясняет именно “отношения”. Если представить “отношения” как независимую переменную, то она должна будет объяснять саму себя. Тогда мы придем к очевидной тавтологии, не имеющей смысла. Более того, как утверждает профессор Чжан, теория — это высокоабстрактное объяснение причинно-следственных связей в определенной области. Любые детали и характеристики процессов, на которых предлагает фокусировать внимание Цинь Яцин, могут быть только объектом описания и не могут стать теоретическими категориями, поэтому эта попытка противоречит основным принципам теории и логики.

Заключение

Для того, чтобы создать китайскую школу ТМО (если это возможно в принципе), необходимо ответить на ряд вопросов. Во-первых, насколько это разумно и легитимно с точки зрения приращения нового знания? Во-вторых, в чем будет заключаться “жесткое ядро” китайской теории международных отношений, каким будет ее центральный вопрос? В-третьих, как использовать традиционную китайскую политическую культуру и содержащиеся в ней знания для развития китайской школы ТМО?

Неважно, будет ли результатом текущих дискуссий какой-то особый китайский вклад в общее развитие теории международных отношений, или же ученым удастся основать непосредственно китайскую школу ТМО — все это будет отражать активную работу и практические усилия китайских ученых. Сейчас пока сложно делать окончательные выводы. Однако из проведенного в данной работе анализа видно, что исследования в области международных отношений в Китае за последние годы вышли на качественно новый теоретический уровень и продолжают активно развиваться.

Новая российская наука о международных отношениях решает, отчасти, схожие задачи дистанцирования от исключительно западных исследовательских и теоретических матриц. Российским ученым удалось создать “сеть” международных ученых, в центре которой находится Научный образовательный форум по международным отношениям (НОФМ), и к этой сети хотят подключиться многие молодые исследователи.

В то же время о тенденциях теоретического поиска китайских коллег в России знают мало. Одна из главных причин — это языковой барьер: особый научный язык и новый академический дискурс, сформировавшийся в Китае в результате многолетнего освоения западных концепций. Необходимо преодолевать этот барьер и налаживать более активный научный диалог между исследователями из России, Китая и других незападных стран, переживающих периоды общественно-политической трансформации. Возможно, именно это и будет способствовать преодолению “парадигмы освоения” западных концепций.

1. За последние годы среди множества англоязычных работ, посвященных данному вопросу, можно выделить следующие: *Acharya A, and Buzan B.* Preface: Why is there no non-Western IR theory: reflections on and from Asia // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7. P. 285–286; *Callahan W.A.* Nationalizing International Theory: The Emergence of the English School and IR Theory with Chinese Characteristics // A paper presented at International Studies Association. Portland (Oregon). 2003. February; *Wang Jisi.* International Relations Studies in China Today: Achievements, Trends, and Conditions // A Report to Ford Foundation, Institute of American Studies, Chinese Academy of Social Sciences. 2005; *Snyder J.* Some Good and Bad Reasons for a Distinctively Chinese Approach to International Relations Theory // A paper prepared for delivery at the 2008 Annual Meeting of the APSA. 2008. August 28–31; *Wang Yuan-kang.* The Case against Chinese Exceptionalism: Confucian Culture and the Use of Force // Paper prepared for delivery at the Annual Meeting of the APSA in Boston. 2008. August 28–31; *Qin Yaqing.* Why Is There No Chinese International Relations Theory? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7. P. 313–340; *Kang D.C.* Getting Asia Wrong: The Need for New Analytical Frameworks // *International Security*. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 57–85.
2. Профессор Го Шуюн в заключительном слове после конференции отметил: “В основу этой конференции лег 25-летний теоретический поиск в сфере международных отношений. Целью конференции была попытка продвинуть вперед теоретическое строительство, сущностью которого должна стать наша китайская специфика. Необходимо сохранить центральный компонент марксистской мысли о международных отношениях, но в то же время пытаться извлечь “рациональное ядро” реализма, нео-институционализма, конструктивизма и других западных научных теорий. При этом нельзя утратить квинтэссенцию выдающейся китайской культуры и ее теоретический потенциал. Нужно активно отслеживать события, происходящие на международной арене в новом столетии. Наша конференция стала смелой попыткой преодолеть копирование западных теорий и попытаться перевести гуманитарную науку на китайскую основу. Все это должно стимулировать вхождение китайской теории международных отношений в новый этап своего развития”. Пер. Королева А., оригинал текста Го Шуюн: “Цуаньго гоцзи гуаньси лилунь яньтаоху эй цзай Шанхай цзяода лунчжун цзюйсин” [В Шанхайском Университете Цзяотун торжественно прошла национальная конференция, посвященная теории международных отношений]. — <http://www.irchina.org/news/view.asp?id=706>.
3. *Ши Бинь.* Гоцзи гуаньси лилунь ‘Чжунго ши таньсо’ дэ цзи гэ цзибэнь вэньти [Несколько базовых вопросов о китайских исследованиях МО] // *Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи* [Мировая экономика и политика]. 2004. № 5. С. 8—13.
4. *Е Цзычэн.* Гоцзи гуаньси яньцзю чжун дэ Чжунго ши [Китайский взгляд на исследования в области международных отношений] // *Вайцзю пинлунь* [Дипломатическое обозрение]. 2005. № 3. С. 64—71.
5. В дальнейшем термины “китайская школа ТМО” и “теория международных отношений с китайской спецификой” употребляются как тождественные. В данной работе эти

термины означают не просто исследования международных отношений в Китае, а наличие в Китае своей, отличной от западных, научной теории, способной объяснять процессы и законы международных отношений. Поэтому вопрос создания китайской школы, по сути, является вопросом развития научной теории с китайской спецификой.

6. Жэнь Сяо. Сян Инъю сюэпай сюэси [Учась у английской школы] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2003. № 7. С. 70—71.
7. Лян Шоудэ, Хун Иньсянь. Гоцзи чжэнчжи сюэ гайлунь [Введение в теорию международной политики]. Пекин, 2000. С. 31—33.
8. Там же. С. 42.
9. Лян Шоудэ. Чжунго гоцзи чжэнчжи сюэ лилунь цзяньшэ дэ таньсо [Исследование строительства китайской теории международной политики] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2005. № 2. С. 17—18.
10. Мэй Жань. Гай бу гай ю гоцзи чжэнчжи лилунь дэ Чжунго сюэпай: цзяньпин Мэйго дэ гоцзи чжэнчжи лилунь [Нужна ли китайская школа ТМО — анализ американских теорий] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю [Исследования международной политики]. 2000. № 1. С. 63—64.
11. Жэнь Сяо. Цзоу цзичжу фачжань чжи лу — чжэнлунь чжун дэ “Чжунго сюэпай” [Идти своим путем развития — дискуссии о “китайской школе” МО] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю [Исследования международной политики]. 2009. № 2. С. 22.
12. Жэнь Сяо. Лилунь юй гоцзи гуаньси лилунь: исе сыкао [Теория и теория международных отношений: некоторые размышления] // Оучжоу [Европа]. 2000. № 4. С. 24.
13. Там же. С. 25.
14. Чжан Чжичжюу. Гоцзи гуаньси сюэпай дэ Чжунго цзиньлу — цзяньлунь гоцзи гуаньси яньцзю дэ чженцэсин хэ сюэшусин [Китайский путь к теории международных отношений — анализ фундаментальных и прикладных подходов к исследованиям] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю [Исследования международной политики]. 2009. № 3. С. 75—78.
15. Цинь Яцун. Гоцзи гуаньси лилунь Чжунго сюэпай шэнчэн дэ кэнэн хэ бижань [Возможность и необходимость создания китайской школы ТМО] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2006. № 3. С. 9.
16. Qin Yaqing. Why Is There No Chinese International Relations Theory? // International Relations of the Asia-Pacific. 2007. Vol. 7. P. 329.
17. Современные дискуссии о “мировом государстве” или “мировом правительстве” перешли в плоскость телеологии. В этом плане интересна работа Александра Вэндта, который трактует появление мирового государства как телеологическую неизбежность. См.: Wendt A. Why a World State is Inevitable // European Journal of International Relations. 2003. Vol. 9(4). P. 491—542.
18. Цинь Яцун. Гоцзи гуаньси лилунь Чжунго сюэпай шэнчэн дэ кэнэн хэ бижань [Возможность и необходимость создания китайской школы ТМО] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2006. № 3. С. 7—13.
19. Меткий термин “парадигма освоения” был введен известным российским политологом А.Д. Богатуровым для выражения состояния постсоветского общественнознания в целом и науки МО в частности. См.: Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. Как нам кажется, в какой-то мере этот термин применим и для описания китайской науки МО на современном этапе.
20. Янь Сюэтин. Гоцзи гуаньси лилунь ши пушисин дэ [Теории международных отношений универсальны] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2006. № 2. С. 1.
21. Лу Пэн. Чуанцзянь Чжунго гоцзи гуаньси лилунь сы чжун туцзин дэ фэньси юй пинцзя [Анализ и оценка четырех путей создания китайской теории международных отношений] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2006. № 4. С. 59.
22. Чжан Жуйчжуан. Вого гоцзи гуаньси сюэкэ фачжань цуньцзай дэ жогань взньти [Некоторые вопросы развития науки о международных отношениях в Китае] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2003. № 5. С. 71.

23. Там же. С. 70—73.
24. Ван Ичжоу. Чжунго Гоцзи чжэнчжи яньцзю дэ цзи гэ вэньти [Несколько вопросов об исследованиях международной политики в Китае] // Оучжоу [Европа]. 1998. № 3. С. 28—30.
25. Ван Ичжоу. Чжунго гоцзи гуаньси яньцзю (1995—2005) [Китайские исследования международных отношений (1995—2005)]. Пекин, 2006. С. 16.
26. Су Чжанхэ, Пэн Чжаочан. Чжунго гоцзи гуаньси лилунь дэ пинькунь — Дуй цзинь 20 нянь лай гоцзи гуаньси сюэ цзай чжунго дэ фаньсы [Скудость китайских теорий международных отношений — рефлексии о международно-политических исследованиях в Китае за последние 20 лет] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 1999. № 2. С. 19.
27. Там же. С. 21.
28. Жэнь Сяо. Лилунь юй гоцзи гуаньси лилунь: исе сыкао [Теория и теория международных отношений: некоторые размышления] // Оучжоу [Европа]. 2000. № 4. С. 24.
29. Цинь Яцин. Чжунго гоцзи гуаньси лилунь яньцзю дэ цзиньбу юй вэньти [Достижения и проблемы в исследованиях теории международных отношений в Китае] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2008. № 11. С. 21—23.
30. Жэнь Сяо. Гоцзи вэньти яньцзю дуаньсянь [Неполноценность исследований международных отношений] // Гоцзи гуаньча [Международное обозрение]. 1998. № 4. С. 51—53; Су Чжанхэ. Вэньти юй Сысян: Цзайтань гоцзи гуаньси яньцзю цзай Чжунго [Проблемы и мысли: вновь об исследованиях в области международных отношений в Китае] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2003. № 3. С. 29.
31. Су Чжанхэ. Вэйшэньмо мэюй Чжунго дэ гоцзи гуаньси лилунь [Почему нет китайской теории международных отношений] // Гоцзи гуаньча [Международное обозрение]. 2005. № 4. С. 28.
32. Цинь Яцин. Гоцзи гуаньси лилунь дэ хэсинь вэньти юй Чжунго сюэпай дэ шэнчэн [Центральный вопрос теории международных отношений и развитие китайской школы] // Чжунго шэхуэй кэсюэ [Общественные науки Китая]. 2005. № 3. С. 165—166.
33. Там же. С. 174—176.
34. Жэнь Сяо. Сян Инго сюэпай сюэси [Учась у английской школы] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2003. № 7. С. 70—71; Жэнь Сяо. Гуанцзянь цзайюй Чжунго тэсин — Е тань инго сюэпай цзи цита [Главный вопрос о китайской особенности — дискуссии об английской и других школах] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи [Мировая экономика и политика]. 2009. № 1. С. 71—72; Ши Бинь. Гоцзи гуаньси яньцзю “Чжунгохуа” дэ чжэнлунь [Дискуссии о китаизации исследований международных отношений] // Ван Ичжоу. Чжунго гоцзи гуаньси яньцзю (1995—2005) [Китайские исследования международных отношений (1995—2005)] / Пекин, 2006. С. 259.
35. Е Цзычэн. Гоцзи гуаньси яньцзэ чжун дэ Чдунго шие [Китайский подход к исследованиям международных отношений] // Вайцзяо Пинлунь [Дипломатическое обозрение]. 2005. № 3. С. 64—71.
36. Юй Чжэнлянь: Цзяньгоу Чжунго гоцзи гуаньси лилунь — Чуанцзянь Чжунго сюэпай [Выстраивая китайскую теорию международных отношений — развивая китайскую школу] // Шанхай Цзяотун дасюэ сюэбао [Вестник Шанхайского университета Цзяотун]. 2005.
37. Александр Вэндт применил идеи социального конструктивизма для анализа сферы международных отношений. Согласно его теории, основные силы международных отношений, даже такие реалистичные, как политика, являются социально зависимыми, т.е. представляют собой систему конструктов, порождаемых самими факторами в процессе познания на основе своего сенсорного опыта.